

С. А. Скорый

К вопросу о скифском этнокультурном компоненте на поселениях лесостепного Правобережья

признанием факта присутствия среди погребальных памятников скифской эпохи лесостепного Правобережья группы захоронений, которые можно связать со скифами [1; 2, с. 69-96; 3, с. 20; 4, с. 17-19, 22], возникает следующий вопрос: в какой степени отражают поселенческие структуры указанной территории обитание на ней, наряду с автохтонным населением, пришельцев — носителей скифской всаднической культуры?

Вопрос этот вовсе не праздный, если учесть, что, судя по погребальным памятникам, скифский этнокультурный компонент присутствует в Лесостепи на протяжении всей скифской эпохи, то есть по крайней мере с начала VII по IV—III вв. до н. э. (в отличие от киммерийцев, время пребывания которых в данном регионе ограничивается весьма незначительным хронологическим отрезком в три — три с половиной десятилетия), и представить себе изолированное обитание в одном и том же регионе носителей двух этносов, которым соответствовали два различных хозяйственно-культурных типа, в течение столь продолжительного времени затруднительно.

Существующие этнографические и исторические параллели более позднего времени недвусмысленно свидетельствуют против «стерильности» подобного сосуществования кочевников и земледельцев — носителей различных этносов. Как правило, в процессе подобного сосуществования имеет место седентаризация кочевников за счет беднейшей части общества. Чаще всего это те кочевники, которые либо утратили скот, либо в силу каких-то иных причин не имеющие возможности вести кочевой образ жизни [5, с. 299; 6, с. 210; 7, с. 191; 8, с. 22]. Существует мнение, что оседание кочевников на землю происходило в немалой степени под воздействием оседлого земледельческого населения [9, с. 28; 10, с. 47].

Седентаризация какой-то части кочевников вела к раздвоению кочевого общества: обедневшие кочевники пополняли слой рядового земледельческого населения, остальная масса, и прежде всего аристократия, продолжала вести традиционный (и престижный) кочевой образ жизни [11, с. 24].

Данные сравнительно позднего времени, похоже, говорят о том, что кочевники, переходя к оседлости или полуоседлости на территории чужих поселений (городов), как правило, не составляли особой изолированной группы, сравнительно быстро заимствовали культуру оседлого населения, утрачивали свое этническое самосознание и растворялись в местной этнической среде [5, с. 295]. Некоторые исследователи, принимая этот тезис, проецируют его на более ранние периоды, в частности — эпоху раннего железа. Так, например, М. Ю. Вахтина, касаясь проблемы контактов

населения северопонтийских колоний и степняков в VII—VI вв. до н. э. и допуская присутствие последних в составе греческого населения, считает, что «...никогда не будет возможности на основе данных археологии выделить в греческих колониях комплексы, связанные с выходцами из степи» [12, с. 83-34]. О присутствии последних свидетельствует лишь керамика степных типов.

Разумеется, указанную проблему решать специалистам-антиковедам. Мне же представляется, что в целом к тезису о быстром, «бесследном» поглощении осевших кочевников оседлой средой, утрате последними этнического самосознания и пр. не следует относиться как к аксиоме, вне конкретного пространства и времени. Во всяком случае материалы поселений скифской эпохи в Лесостепи (да и не только Лесостепи), и изучаемого правобережного региона в частности, похоже, демонстрируют материальные следы (к сожалению, не столь многочисленные, как бы того хотелось) оседания кочевников на земле.

Речь идет о некоторых достаточно специфических типах жилищ, в общем не характерных для оседлого населения Лесостепи доскифской и скифской эпох, появление которых на поселениях, по-видимому, следует увязывать с седентаризацией кочевников (общеизвестно, что жилище — это один из элементов материальной культуры, отражающих образ жизни и этническую специфику населения, что в полной мере относится к скифскому обществу).

Однако прежде чем перейти к конкретному разговору об упомянутых сооружениях, напомним, что представляли собой жилища скифской поры в лесостепном Правобережье в различные хронологические периоды по материалам археологических раскопок, которыми мы располагаем в настоящее время.

В архаическую эпоху в указанном регионе существовали три основных типа жилых сооружений — довольно большие по размерам полуземлянки (площадь — 21-34 кв. м, некоторые до 50 кв. м) овальной, но чаще прямоугольной формы, землянки (иногда многокамерные) различных размеров, порой — очень большие (Трахтемировское городище, ранний горизонт Пастырского городища) и наземные дома с прямоугольным, слегка углубленным в землю основанием и глинобитно-каркасными стенами (Трахтемировское, Мотронинское городища, поселение на Тарасовой Горе близ с. Жаботин). Для большинства жилищ характерно наличие очагов; в полуземлянках и землянках — лежанки вдоль стен, отсутствие следов столбов и пр. [13, с. 15-17; 14, с. 53-54; 15, с. 7].

В среднескифское время продолжают бытовать все три упомянутых типа жилищ — полуземлянки, землянки, наземные жилища, — но при этом уменьшаются их размеры (Хотовское, Большое скифское, Мотронинское городища, поздний горизонт Пастырского городища) [13, с. 23; 16, с. 26-27] и в определенной степени получают распространение прямоугольные наземные жилища в виде срубов с углубленным основанием (Мотронинское городище) [17, с. 10]. В это же время появляются жилища в виде небольших полуземлянок с округлым основанием и, как правило, столбами, о чем речь пойдет далее.

Жилища позднескифского периода известны в основном по материалам раскопок на Пастырском и Большом скифском городищах, селище у с. Гриценцы. Складывается впечатление, что в это время преобладали наземные дома, обычно прямоугольные в плане, с заглубленным в землю основанием и каркасно-глинобитной конструкцией стен: на Пастырском городище исследовано 10 таких жилищ (площадь 10-15 кв. м), на Большом скифском — 2 (площадь одного из них — 36 кв. м) [13, с. 23-24].

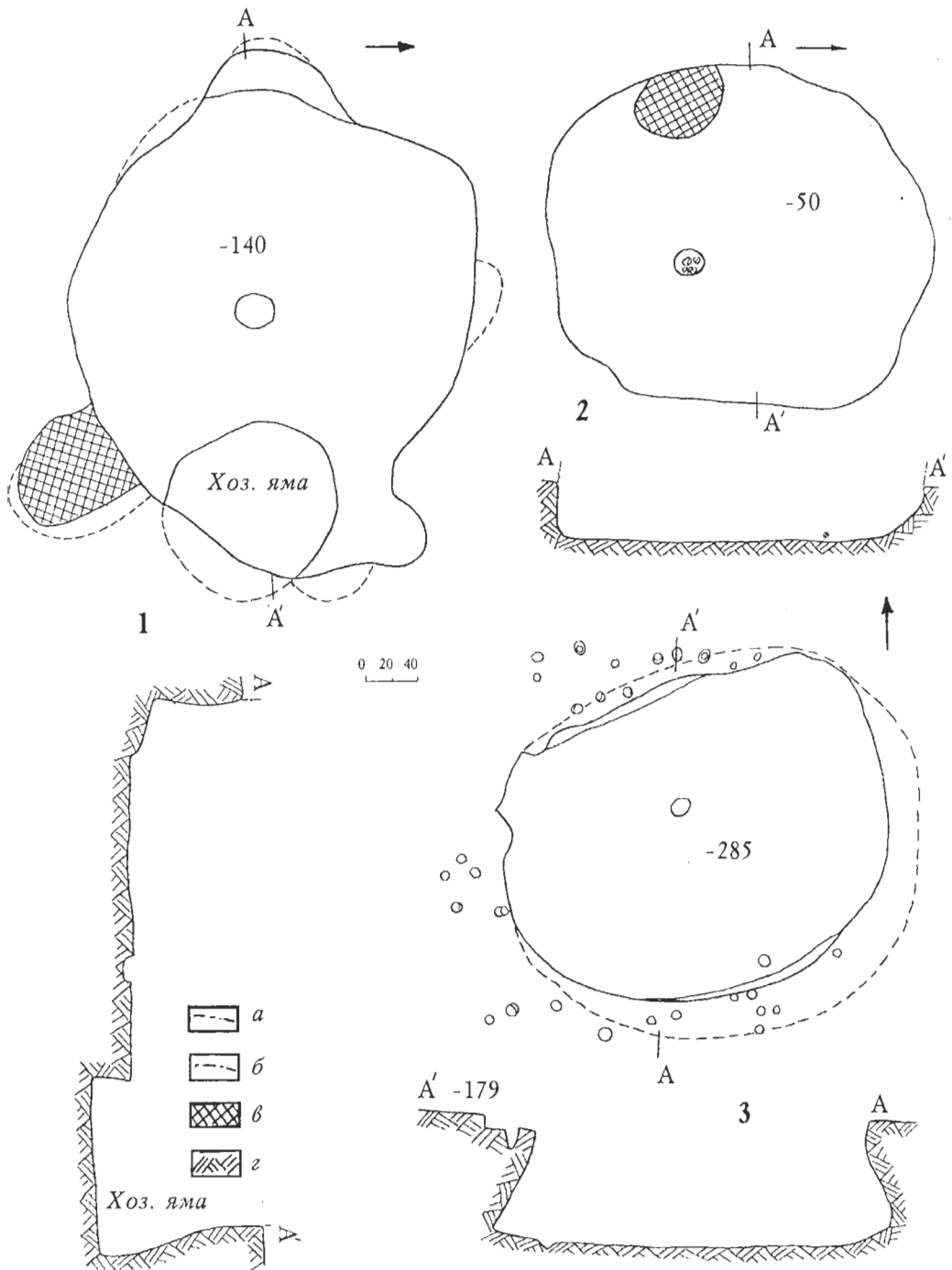
Самого пристального внимания заслуживают появляющиеся в среднескифское время небольшие полуземлянки с круглым или округлым основанием, заглубленным на 0,6-0,8 м в землю. Они известны по материалам позднего горизонта Пастырского, Хотовского городищ и особенно хорошо — Мотронинского. Площадь их невелика —

10-20 и как исключение — 30 кв. м [13, с. 23, рис. 4, 3-4; 16, с. 27]. Особый интерес вызывают 5 жилищ, открытых на Мотронинском городище (см. рис.). Все они имеют небольшие размеры (10-20 кв. м), в центральной части заглубленного основания имеется ямка от столба, поддерживавшего кровлю. У одной полуземлянки (или, скорее, землянки, раскоп IV), помимо ямы от центрального столба, по периметру верхней части края зафиксированы небольшие ямки от столбов, находившихся под наклоном по отношению к центру и составлявших перекрытие жилища. Практически во всех помещениях сохранились остатки очагов или отопительных приспособлений. Круглое или округлое основание жилища, наличие центрального столба (а в одном случае и столбовых ямок по периметру) позволяют реконструировать верхнюю часть жилища как коническую (шатровидную, юртообразную) [16, с. 27]. В жилом характере подобных полуземлянок сомневаться не приходится: помимо отопительных сооружений, рядом с ними располагались хозяйственные помещения — зерновые ямы, погреба и пр. Отсутствие у четырех полуземлянок Мотронинского городища по периметру внешней стороны заглубленного основания ямок от столбов, глиняной обмазки с отпечатками прутьев, позволяет предположить, что стены, на которые опиралось коническое перекрытие, могли возводиться из дерна (подобные случаи известны из этнографии) [18, с. 1-20, 55], кровля — из тростника [19, с. 15] или хвороста.

Наличие на лесостепных правобережных поселениях столь примитивных жилищ при достаточно развитых домостроительных традициях местного населения (например, наземные жилища каркасно-столбовой конструкции различных размеров, срубные постройки) является, на мой взгляд, материальными следами седентаризации какой-то части скифов-кочевников. В пользу этого свидетельствует синхронное сосуществование их с иными типами жилищ, например на том же Мотронинском городище (наземные каркасно-столбовые и срубные помещения, землянки и полуземлянки иного типа и размеров). Стоит подчеркнуть, что юртообразные жилища вовсе не являются наиболее ранними на поселениях Правобережной лесостепи и бытуют в общем в течение непродолжительного времени. Так, по материалам Мотронинского городища — это конец VI– первая четверть V вв. до н. э.

Сооружение оседающими на землю номадами шалашевидных или юртообразных жилищ вполне объяснимо: перейдя к оседлости, кочевники на первых порах не обладали необходимыми строительными навыками (что было присуще оседлому населению с многовековыми строительными традициями) и создавали жилища по подобию тех, которые были свойственны их недавнему кочевому образу жизни (юрты, шатры на повозках и без). Разумеется, со временем положение менялось.

Весьма интересная ситуация, на мой взгляд, засвидетельствована на VI раскопе Мотронинского городища. Последний располагается на восточной периферии восточной части центрального укрепления, на участке, плавно понижающемся к глубокому оврагу (ниже этого места строить какие-либо сооружения практически невозможно). На исследованной площади раскопа (530 кв. м), протянувшегося с юга на север, открыт участок «улицы», с двух сторон которой располагались жилища в основном одного типа — небольшие полуземлянки с перекрытием конической формы, рядом с которыми находились разнообразные хозяйственные сооружения. Не исключено, что на указанном участке проживала какая-то часть осевших на землю скифов-кочевников, которым для поселения была отведена определенная периферийная часть городища. На иных исследованных площадях названного городища концентрации жилищ этого типа не наблюдается. В основном встречаются наземные жилища. Лишь в районе центрального зольника (раскоп IV) и к западу от Троицкой церкви (раскоп XVI) зафиксированы остатки двух подобных жилищ.

Округлые основания полуземлянок с коническим перекрытием с Мотронинского городища (1, 2 — раскоп VI, 3 — раскоп IV):

a — невидимая часть сооружения; *б* — непрослеженная часть сооружения в древнем черноземе; *в* — остатки очага или отопительного устройства; *г* — материковая глина

Если указанное предположение верно, то в нашем распоряжении весьма уникальный для поселений скифской эпохи в Лесостепи факт локального обитания какой-то части осевших на землю скифов-номадов.

Хронология упомянутых жилищ на Мотронинском городище, а также время полуземлянок на Пастырском и Хотовском городищах (VI–V вв. до н. э.), похоже, указывают на то, что процесс седентаризации в кочевой среде Правобережной лесостепи начался примерно в конце VI в. до н. э., то есть вовсе не сразу после появления здесь скифов-кочевников. Исчезновение практики сооружения полуземлянок с конической кровлей к началу позднескифского времени (конец V в. до н. э.) свидетельствует, что, по-видимому, кочевники, пополнившие слой рядового оседлого населения, через некоторое время утратили определенные этнографические черты, в том числе обычай строительства юртообразных жилищ.

Несколько иная картина наблюдается на поселениях скифской эпохи Левобережной лесостепи. Здесь открыто довольно большое количество жилых сооружений различных типов (наземные жилища срубной конструкции, полуземлянки, землянки, в основном прямоугольные в плане, например, на Бельском, Коломакском, Кнышовском городищах) [20, с. 38–69; 21, с. 177–179; 22, с. 57–68], но остатки нескольких полуземлянок с округлым основанием (типа юрт), достоверно зафиксированы пока только на архаическом поселении у с. Пожарная Балка в бассейне Ворсклы [23, с. 84–86], причем, на участке последнего (позднего) периода существования селища (последняя четверть VII– около 600 г. до н. э.). Таким образом, историческая ситуация там была, очевидно, иная, и оседание какой-то части кочевников произошло в более раннее время. Однако этот вопрос не имеет прямого отношения к теме настоящей статьи.

В целом же жилые сооружения, сохранившие пережитки кочевого быта, помимо Лесостепи, фиксируются на многих поселениях скифского периода в различных регионах Северного Причерноморья. Круглые двухкамерные землянки конца V–IV вв. до н. э. с крышей в виде конического шалаша (вариант реконструкции) открыты на поселении Лысая Гора близ г. Васильевка в Нижнем Поднепровье. Появление последних недвусмысленно связывается с оседанием скифов на землю в районе Великого Луга днепровской поймы [24, с. 7, рис. 2, 3, с. 27]. Груша полуземлянок округлой формы с конической крышей, оснований юрт или конических шалашей обнаружены на поселениях конца VI– начала V вв. до н. э. в Нижнем Поднестровье (Надлиманское III, VI; Беляевка I). Их появление в округе античных городов вполне убедительно связывают с имевшими место в скифской кочевой среде седентаризационными процессами [19, с. 57–58]¹. При этом следует отметить особое сходство указанных полуземлянок с открытыми в лесостепи, например на Мотронинском городище. Основания у них правильной округлой или овальной формы, в центре — ямка от опорного столба, размеры жилища весьма невелики [19, с. 11, рис. 4]. Примечательно, что упомянутые жилища Правобережной лесостепи и Нижнего Поднестровья относятся к одному и тому же отрезку времени — концу VI– началу V вв. до н. э. Возможно, этот факт не случаен, а отражает какую-то взаимосвязь процессов седентаризации кочевников в указанных регионах.

Неоднократно фиксировались остатки жилищ (юрт, полуземлянок, землянок), которые связывают с оседанием на землю кочевников (скифов или сарматов),

¹ Нужно отметить, что полуземлянки, в том числе с круглым основанием, довольно хорошо представлены на поселениях ольвийской хоры, в Нижнем Побужье [25, с. 42, рис. 11, с. 43, рис. 12]. В свое время их связывали со скифами [26, с. 34]. Однако, по мнению специалистов, осуществляющих их раскопки на поселениях Нижнего Побужья, а также в Ольвии и на Березани, подобные полуземлянки отражают наиболее ранний этап греческого домостроительства в Северном Причерноморье и их следует рассматривать в качестве «дома колониста» VII– начала V вв. до н. э. [27, с. 403–409; 25, с. 91].

на позднескифских городищах Крыма — Кара-Тобе, Южно-Донузлавском, Неаполе Скифском и др. [28, с. 273; 29, с. 69, рис. 20; 30, с. 82, рис. 28, 1-8; 31, с. 11; 32, с. 85]². Весьма примечательно, что в Неаполе Скифском группа полуземлянок и землянок с вырубленными в скале округлыми основаниями концентрировалась на участке, находящемся вблизи центральных ворот, примыкая к городским кварталам. Таким образом, складывается впечатление, что осевшим кочевникам могла отводиться определенная территория для проживания в пределах того или иного поселения. Кстати, в этом смысле ситуация на Неаполе напоминает имевшую место на Мотронинском городище (раскоп VI).

Не стоит, конечно, считать прямыми аналогиями круглые и обычные полуземлянки (например, прямоугольные без столбов): последние действительно были присущи населению различных культур, в том числе ведущих оседлый образ жизни.

К сожалению, находки вещей скифского облика на поселениях Лесостепи сами по себе не являются объективными свидетельствами проживания на них какой-то части осевших кочевников. Достаточно хорошо известно, что на многих поселениях осуществлялось производство предметов скифского типа (например, того же вооружения), по-видимому, как на заказ, так и для собственных потребностей.

Вместе с тем представляется бесспорным, что кочевники, осевшие на землю и влившиеся в состав оседлого населения лесостепных поселений, способствовали распространению элементов кочевнической степной культуры в среде автохтонов, особенно рядовых жителей, так как «несмотря на оседлость... их обычаи, обряды, верования были проникнуты традициями кочевничества» [10, с. 79].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Скорый С. А.* К проблеме скифизации днепровского лесостепного Правобережья // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ: Тез. докл. III конф. молодых ученых ИА АН СССР.— М., 1986.
2. *Скорый С. А.* Курган Переп'ятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепоного Правобережжя).— Київ, 1990.
3. *Мелюкова А. И.* Народы Северного Причерноморья накануне и в период греческой колонизации // Местные этнополитические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н. э.: Матер. IV Всесоюз. симпоз. по древней истории Причерноморья.— Тбилиси, 1988.
4. *Бессонова С. С.* Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины.— Киев, 1990.
5. *Бартольд В. В.* История культурной жизни Туркестана // Соч. Т. II. Ч. 1.— М., 1963.
6. *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.— М., 1966.
7. *Марков Г. Е.* Кочевники Азии: структура хозяйства и общественной организации.— М., 1976.
8. *Крадин Н. Н.* Кочевые общества (проблема формационной характеристики).— Владивосток, 1992.
9. *Лашук А. П.* Исторические структуры социальных организмов средневековых кочевников // СЭ.— 1967.— № 4.
10. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья (поиск исторических закономерностей).— М., 1982.

²И. Н. Храцунов, критикуя тезис о принадлежности круглых в плане полуземлянок осевшим на землю кочевникам, скифам или сарматам, на мой взгляд, не совсем прав [33, с. 28]. Вряд ли серьезным аргументом против названного факта является указание на то, что на позднескифских поселениях Крыма подобные жилища встречаются в III в. до н. э.— III в. н. э., то есть в течение весьма продолжительного времени. На этом основании делается вывод, что такие полуземлянки — один из типов жилищ, присущих скифскому оседлому населению. Однако, как известно, оседание кочевников на землю не было одноактным явлением: из массы кочевников время от времени «выбрасывалась» какая-то часть обедневших соплеменников, пополнявших ряды оседлого населения.

11. Бунятян Э. П., Безсонова С. С. Про етнічний процес на європейській частині Боспору в скіфський час // Археологія.— 1990.— № 1.
12. Вахтина М. Ю. Греческое поселение Северного Причерноморья и кочевники в VII–VI вв. до н. э. (к проблеме первых контактов) // Кочевники евразийских степей и античный мир (проблемы контактов): Матер. 2-го археологич. семинара.— Новочеркасск, 1989.
13. Ковпаненко Г. Т., Безсонова С. С., Скорый С. А. Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья.— Киев, 1989.
14. Тітенко (Ковпаненко) Г. Т. Розкопки пам'яток скіфського часу на Пастирському городищі // АП УРСР.— 1956.— VI.
15. Безсонова С. С., Скорый С. А. Третий сезон работ экспедиции «Холодный Яр» // Археологічні дослідження на Україні 1990 року. Препринт.— Київ, 1991.
16. Безсонова С. С., Скорый С. А. Некоторые итоги исследования Мотронинского городища // Насельніцтва Беларусі і сумежных тэрыторый у эпоху жалеза.— Менск, 1992.
17. Безсонова С. С., Скорый С. А. Работы на Мотронинском городище // Археологічні дослідження в Україні 1991 року.— Луцьк, 1993.
18. Харузин Н. Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народов народностей России.— М., 1896.
19. Охотников С. Б. Нижнее Поднестровье в VI–V вв. до н. э.— Киев, 1990.
20. Шрамко Б. А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон).— Киев, 1987.
21. Радзиевская В. Е. Основные итоги раскопок Коломакского городища // История и археология Слободской Украины: Тез. докл.— Харьков, 1992.
22. Гавриш П. Я. Житла Книшівського городища // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. Вип. 1.— Полтава, 1992.
23. Андриенко В. П. О материалах последнего этапа существования поселения Пожарная Балка-II // История и археология Слободской Украины: Тез. докл.— Харьков, 1992.
24. Гаврилюк Н. А. Домашнее производство и быт степной Скифии.— Киев, 1989.
25. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. М. Сельская округа Ольвии.— Киев, 1989.
26. Доманский Я. В. Из истории населения Нижнего Побужья в VII–V вв. до н. э. // АСГЭ.— 1961.— Вып. 2.
27. Крыжицкий С. Д. Строительство и архитектура // Археология Украинской ССР. Т. 2.— Киев, 1986.
28. Шульц П. Н. Евпаторийский район // Археологические исследования в РСФСР в 1934–1936 гг.— М.; Л., 1941.
29. Дашевская О. Д. Раскопки Южно-Донузлавского городища в 1963–1965 гг. // КСИА АН СССР.— 1967.— Вып. 109.
30. Высотская Т. Н. Неаполь — столица государства поздних скифов.— Киев, 1979.
31. Высотская Т. Н. Своеобразие культуры поздних скифов в Крыму // Население и культура Крыма в первые века н. э.— Киев, 1983.
32. Щеглов А. Н. Северо-Западный Крым в античную эпоху.— Л., 1978.
33. Храпунов И. Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981–1988 гг.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. II.— Симферополь, 1991.

Summary

The paper deals with a type of dwelling investigated at the settlements of Scythian Period in Forest-Steppe of the Right-Bank of the Dnieper river. There were semi-deepen earth-houses with a base, either round or circular, and a pit retined from central pole which could bear up a roof. It is possible to reconstruct the roof as similar to yurt or marquee. The date of such a dwellings is determined as a period from the end of VI century up to the V century B. C.

The author considers that such dwellings are the material manifestation of the certain (probably the poorest) part of Nomadic Scythian tribes sedentarization as well as the reflection of their previous nomadic mode of life.